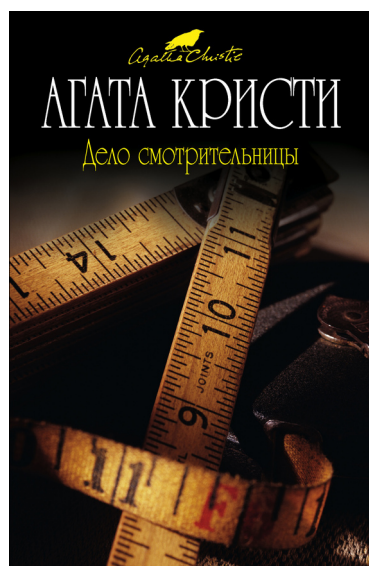

Мисс Марпл

Агата Кристи
Святое место

«ЭКСМО»

1954

Кристи А.

Святое место / А. Кристи — «Эксмо», 1954 — (Мисс Марпл)

«... Внезапно она остановилась, заметив что-то впереди. На ступенях алтаря смутно виднелась какая-то неясная тень. Осторожно поставив цветы, Пончик подошла к ступеням и, наклонившись посмотреть, что там, увидела лежащего ничком человека. Она опустилась рядом с ним на колени и медленно, осторожно перевернула. Ее пальцы нащупали пульс – такой слабый и неровный, что это говорило само за себя, так же как и зеленоватый оттенок бледного лица. Ей пришло на ум, что он, без сомнения, умирает. ...»

© Кристи А., 1954
© Эксмо, 1954

Содержание

Агата Кристи	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Агата Кристи Святое место

Жена священника вышла из-за угла своего дома, едва удерживая в руках охапку хризантем. На ее грубые, прочно сшитые туфли в изобилии налипла жирная садовая земля; частички почвы попали ей даже на нос, о чем она, разумеется, не подозревала.

Подойдя к старой, висевшей на одной петле калитке, она вступила с ней в единоборство, ибо та никак не хотела открываться. Налетевший порыв ветра подхватил было ее замасленную фетровую шляпку и снова опустил на голову – еще более набекрень.

– Тыфу ты! – воскликнула Пончик.

Прозвище это миссис Хармон получила по вполне понятной причине еще в детстве, и с тех пор оно прилипло к ней намертво, хотя родители-оптимисты и нарекли ее когда-то Дианой.

Крепче прижав хризантемы, она протиснулась в калитку и, пройдя через церковный двор, подошла к дверям церкви.

Ноябрьский воздух был мягким и сырым. Плывущие по небу облака оставляли то здесь, то там лоскутки голубого неба. Внутри, в церкви, было темно и холодно. Ее протапливали только к службе.

– Бр-р-р! – выразительно произнесла жена священника. – Лучше управиться поскорее. А то здесь умрешь от холода.

С быстротою, свидетельствующей о долгой практике, она приготовила всю необходимую утварь: вазы, кувшин с водой, подставки для цветов. «Жаль, что у нас нет лилий, – подумала миссис Хармон, – до чего надоели эти жалкие хризантемы». Проворными пальцами она брала их по одной и ставила в вазу.

В создаваемых ею букетах никогда не было ничего художественного или оригинального, ничего особенного, но ведь и сама Пончик не отличалась ни оригинальностью, ни художественным вкусом, однако в них чувствовалось что-то домашнее, приятное. Она осторожно взяла вазы и пошла к алтарю по проходу между скамьями. И тут выглянуло солнце.

Его лучи проникали сквозь восточное окно, украшенное грубоватым витражом с преобладающими синим и красным цветами – подарок богатого прихожанина во времена королевы Виктории. Эта неожиданно обильная красочность заставила ее почти вздрогнуть. «Как драгоценные камни в ювелирной лавке», – подумалось ей. Внезапно она остановилась, заметив что-то впереди. На ступенях алтаря смутно виднелась какая-то неясная тень.

Осторожно поставив цветы, Пончик подошла к ступеням и, наклонившись посмотреть, что там, увидела лежащего ничком человека. Она опустилась рядом с ним на колени и медленно, осторожно перевернула. Ее пальцы нащупали пульс – такой слабый и неровный, что это говорило само за себя, так же как и зеленоватый оттенок бледного лица. Ей пришло на ум, что он, без сомнения, умирает.

То был мужчина лет сорока пяти, одетый в темный поношенный костюм. Она отпустила его обмякшую руку, к которой только что прикасалась, и посмотрела на другую. Та была стиснута в кулак у самой груди. Приглядевшись, она увидела, что в кулаке зажато нечто, напоминающее клочок шерсти или большой носовой платок, и он прижимал это к ребрам. Вокруг стиснутой руки виднелись засохшие капли какой-то коричневатой жидкости, и Пончик угадала в ней запекшуюся кровь. Миссис Хармон приподняла голову и нахмурилась.

До сих пор глаза человека были закрыты, но в это мгновение он внезапно открыл их и устремил взгляд на ее лицо. Взгляд не был ни удивленным, ни блуждающим. Он казался

вполне живым и все понимающим. Губы зашевелились, и Пончик подалась вперед, чтобы уловить слова или, вернее, слово. Ибо лишь одно слово и было произнесено:

– Святое...

Ей показалось, что, когда он произнес – нет, скорее даже выдохнул это слово, – его лицо словно осветилось изнутри едва заметной улыбкой. Нет, она не могла ошибиться, потому что мгновение спустя он опять повторил:

– Святое...

Затем последовал слабый продолжительный вздох, и глаза умирающего снова закрылись. Ее пальцы вновь коснулись его запястья. Пульс еще прощупывался, но стал чуть заметным, прерывистым. Миссис Хармон встала, приняв решение.

– Не двигайтесь, – попросила она, – старайтесь не двигаться. Я схожу за помощью.

Раненый снова открыл глаза, но теперь устремил взор на разноцветные лучи солнца, проникающие сквозь витраж. Его губы пробормотали что-то, чего Пончик не смогла вполне разобрать. К ее недоумению, ей показалось, что незнакомец прошептал имя ее мужа.

– Юлиан? – переспросила она. – Вы искали здесь Юлиана?

Раненый не ответил. Теперь он лежал закрыв глаза, дыхание стало неглубоким, едва заметным.

Миссис Хармон повернулась и быстро пошла из церкви. Выйдя на крыльцо, она взглянула на часы и удовлетворенно кивнула. Доктор Гриффитс должен еще вести прием. До него всего пара минут ходьбы. Она сразу прошла через приемную, не тратя времени, чтобы постучать или позвонить в дверь, и заглянула в кабинет.

– Идите скорее, – настойчиво позвала она, – в церкви человек умирает.

Спустя несколько минут доктор Гриффитс уже бегло осмотрел раненого.

– Можно перенести его в ваш дом? Там я смогу лучше о нем позаботиться, – произнес он, вставая с колен, – хотя сомневаюсь, чтобы от этого был прок.

– Конечно, – отозвалась Пончик, – пойду все приготовлю. И пришлю Харпера с Джонсом, хорошо? Чтобы помочь вам его нести.

– Спасибо. Я вызову от вас карету «Скорой помощи», но, боюсь, пока она едет... – Он замолчал, не закончив.

– Внутреннее кровотечение? – спросила Пончик.

Доктор Гриффитс кивнул.

– И каким только ветром его сюда занесло? – проговорил он.

– Думаю, он провел тут всю ночь, – предположила Пончик. – Харпер отпирает церковь утром, когда идет работать, но обычно не заходит внутрь.

Всего минут пять спустя доктор Гриффитс уже повесил на место телефонную трубку и вернулся в жилую комнату, где на диване, застланном на скорую руку шерстяными одеялами, лежал раненый. Пончик только-только успела прибраться после осмотра больного и теперь держала в руках тазик с водой.

– Вот такие дела, – сообщил Гриффитс. – «Скорая» вызвана, полиция уведомлена.

Он постоял, хмурясь и глядя на лежащего перед ним пациента. Тот по-прежнему не открывал глаза, но каким-то нервным, судорожным движением все время пытался прижать к боку левую руку.

– В него стреляли, – сказал Гриффитс. – Стреляли в очень тесном помещении. Он скал свой носовой платок, сделав из него что-то вроде тампона, и затолкал в рану, чтобы остановить кровотечение.

– Он мог пройти большое расстояние после того, как это случилось? – спросила Пончик.

– О да, это вполне возможно. Известен случай, когда смертельно раненный человек встал и пошел вдоль по улице словно ни в чем не бывало и лишь минут пять или десять

спустя внезапно потерял сознание. Так что совсем не обязательно в него стреляли в церкви. Вовсе нет. Точно так же это могло случиться и на некотором расстоянии от нее. А кроме того, он мог выстрелить сам в себя, уронить револьвер, а потом направиться в церковь, повинувшись какому-то внутреннему зову. Не совсем понимаю, почему он пришел в церковь, а не в дом священника.

– А я знаю *почему*, – сообщила Пончик. – Он так и сказал: «Святое место».

Доктор недоуменно взглянул на нее.

– Святое место? – переспросил он.

– А вот и Юлиан, – Пончик обернулась на звук шагов мужа, донесшийся из прихожей. – Юлиан! Иди сюда.

В комнату вошел приходской священник Юлиан Хармон. Он казался старше своих лет оттого, что всегда напускал на себя какой-то ученый рассеянный вид.

– Боже мой! – произнес Юлиан Хармон, останавливая мягкий и удивленный взгляд на хирургических инструментах и на распростертом на диване безжизненном теле.

– Он был в церкви, умирал, – принялась объяснять Пончик, экономя, как всегда, слова. – У него огнестрельная рана. Ты знаешь его, Юлиан? Кажется, он произнес твое имя.

Священник подошел к дивану и посмотрел на умирающего.

– Бедняга, – проговорил он и покачал головой. – Нет, я его не знаю. Почти уверен, что прежде не видел его никогда.

В это мгновение лежащий снова открыл глаза. Он перевел взгляд с доктора на Юлиана Хармона и с него на его жену. Умирающий стал вглядываться в ее лицо. Гриффитс шагнул к нему и настойчивым тоном сказал:

– Не могли бы вы объяснить нам...

Но незнакомец, не отрывая глаз от хозяйки дома, пробормотал слабым голосом:

– Прошу... *прошу*...

Затем по его телу прошла легкая дрожь, и он умер...

Сержант Хейес лизнул карандаш и перевернул страницу блокнота.

– Итак, это все, что вы мне можете рассказать, миссис Хармон?

– Да, все, – сказала Пончик. – Вот вещи из его карманов.

На столе рядом с локтем сержанта Хейеса лежали бумажник, выдавшие виды старые часы с инициалами В.С. и обратный билет до Лондона. Ничего больше.

– Удалось выяснить, кто он? – осведомилась Пончик.

– В полицию звонили некие мистер и миссис Экклз. По-видимому, он ее брат. Убитого звали Сэндборн. В последнее время у него были проблемы и со здоровьем, и с нервами. Недавно он почувствовал себя хуже. Позавчера вышел из дома и не вернулся. И у него был револьвер.

– А здесь он сошел с поезда и застрелился, – подхватила собеседница. – Но почему?

– Ну, понимаете ли, у него была депрессия...

Пончик не дала ему договорить.

– Я не о *том*. Я спрашиваю: почему он оказался здесь?

Поскольку сержант Хейес явно не знал ответа на сей вопрос, он предпочел ответить уклончиво:

– Он приехал автобусом, что прибывает в пять десять.

– Приехал, но *почему*? – настаивала Пончик.

– Не знаю, миссис Хармон, – сдался наконец сержант Хейес. – Это нельзя объяснить. Если рассудок помрачен...

Но Пончик dokonчила вместо него:

– То это можно сделать где угодно. И все-таки, мне кажется, необязательно садиться на автобус и ехать в такую глушь, как наша. Ведь он, кажется, здесь никого и не знал?

– Трудно сказать наверняка, – промямлил сержант.

Он виновато покашлял и проговорил, вставая со стула:

– Собственно говоря, если вы, мэм, не возражаете, то, может быть, вы позволите, чтобы мистер и миссис Эклз приехали поговорить с вами.

– Конечно, не возражаю, – отозвалась Пончик, – само собой разумеется. Но только что я могу им сказать?

– Ну, вы уж там как-нибудь, – порекомендовал сержант.

– Единственное, что утешает, – проговорила Пончик, провожая его до крыльца, – что это не убийство.

К воротам подъехал автомобиль. Взглянув на него, сержант Хейес предположил:

– Похоже, миссис и мистер Эклз уже добрались сюда, мэм, чтобы потолковать с вами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.